

КОМПАРАТИВИСТИКА

УДК 82.091

DOI: 10.17223/24099554/14/1

В.С. Киселев

ПИСЬМА ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ К В.А. ЖУКОВСКОМУ И СЕМАНТИКА «СЕМЕЙСТВЕННОЙ МОНАРХИИ»¹

Предпринят обзор писем царственных особ к В.А. Жуковскому. Они позволяют впервые в полном объеме реконструировать характер эпистолярного диалога поэта и представителей дома Романовых и немецких династий. Описывается состав писем, их тематика и этикетные формы, реконструируются социокультурный контекст переписки, пронизанный семантикой «семейственной монархии». Приложением к статье является хронологический указатель всех известных писем царственных особ к В.А. Жуковскому.

Ключевые слова: русская литература, русская эпистолярная культура, переписка, В.А. Жуковский, царственные особы, придворная культура.

I

Среди русских литераторов XIX в. мало тех, кто был бы так тесно на протяжении более тридцати лет связан с царской фамилией, как Жуковский. Он был поистине домашним лицом, учителем, товарищем, другом, корреспондентом трех поколений дома Романовых. Первое письмо к нему вдовствующей императрицы Марии Федоровны было написано 9 февраля 1815 г., а последнее – великой княгиней Еленой Павловной 21 марта 1852 г., незадолго до смерти поэта (см. хронологический указатель в приложении). 139 сохранившихся

---

¹ Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

писем царственных особ к Жуковскому – не только наглядное подтверждение этой близости, но и ценнейший документ русской истории и культуры, вводящий в перипетии повседневной дворцовой жизни, в биографию и историю личных отношений как самого поэта, так и почти двух десятков его высочайших корреспондентов, в сферу взаимодействия власти и литературы, в область межнациональных контактов с представителями царственных домов Германии и Нидерландов.

Хорошо известно, что Жуковский нередко использовал эпистолярное общение с царственными особами как своеобразную творческую лабораторию: его письма-травелоги, письма-размышления, письма-статьи, адресованные великой княгине Александре Федоровне, великому князю Александру Николаевичу, великой княжне Марии Николаевне, трансформировались в программные эстетические, историософские и политические высказывания («Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Отрывки из писем по Саксонии», «Отрывки из письма о Швейцарии», «Рафаэлева Мадонна», «Две всемирные истории», «Очерки Швеции», «Бородинская годовщина», «Письмо русского из Франкфурта», «По поводу нападок немецкой прессы на Россию», «Иосиф Радовиц»). Они были широко известны современникам поэта, что снимало границу между камерным придворным общением и широкой публичной коммуникацией, делая коронованных адресатов представителями всего имперского культурного мира. Безусловно, в этих статьях персональная адресация, свойственная письмам-первоисточникам, уходила на второй план, как и контекст переписки в целом.

В аутентичном виде публикация этого материала началась вскоре после смерти Жуковского, когда П.И. Бартнев в 1867 г. напечатал в «Русском архиве» большую подборку его писем к великому князю Константину Николаевичу [1]. Впоследствии с разрешения императорской фамилии были опубликованы его письма к великой княгине и императрице Александре Федоровне, к великому князю Александру Николаевичу, великой княжне Марии Николаевне. Собранные вместе, они составили к 1885 г. отдельный большой том в восьмом собрании сочинений Жуковского [2]. К этому корпусу в дальнейшем, благодаря усилиям Н.Ф. Дубровина, А.А. Фомина, П.И. Бартнева, Н.А. Мурзанова и пр., добавлялись новые письма к царствен-

ным адресатам – императору Николаю I, императрице Александре Федоровне, королю Пруссии Фридриху-Вильгельму IV и другим². Безусловно, эти публикации далеко не всегда соответствовали современным текстологическим требованиям, письма иногда печатались не полностью, некоторые вовсе исключались из публикации, наконец, они крайне редко сопровождались комментарием. Тем не менее уже к началу XX в. значительная часть этого эпистолярного наследия Жуковского оказалась известна широкому читателю.

Письмам царственных особ повезло меньше, что в дореволюционный период объяснялось необходимостью получения высочайшей санкции на публикацию. Основная заслуга здесь принадлежала П.И. Бартеневу, который, пользуясь архивом поэта, хранившимся у П.В. Жуковского, опубликовал около 50 писем вдовствующей императрицы Марии Федоровны, великой княгини и императрицы Александры Федоровны, великих князей Александра и Константина Николаевича, великих княжон Ольги, Марии и Александры, а также великих княгинь Анны Павловны и Марии Павловны. Впоследствии А.А. Фомин добавил к этому корпусу шесть писем короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV, Д.Ф. Кобеко – письмо принца П.Г. Ольденбургского, Е.М. Шумигорский – письмо императрицы Марии Федоровны, А.Н. Веселовский – письмо великой княгини Александры Федоровны. В советские годы письма царственных особ, по понятным причинам, интереса не вызывали, за исключением ситуации с записками великой княгини Елены Павловны о смертельном ранении А.С. Пушкина. Они были в переводе на русский язык опубликованы в «Литературном наследстве», но их французские подлинники оставались неизвестны. В постсоветское время прорыва также не случилось, хотя к общему корпусу добавилось письмо великой княжны Александры Николаевны в полном и исправленном прочтении (публикация Л.Н. Киселевой [4. С. 444–445]), письмо Иоганна Саксонского (публикация Н.Е. Никоновой [5. С. 106–107]) и 11 писем великого князя Константина Николаевича (публикация А.Н. Сидоровой [6. С. 443–481]). Таким образом, из писем царственных особ к Жуковскому до настоящего времени была известна в печати лишь половина, причем за исключением

---

² См. их общий обзор [3. С. 46–47].

современных публикаций – в неудовлетворительном с точки зрения текстологии и комментария виде.

В настоящее время коллективом ученых из Томского государственного университета, Государственного архива РФ, ИМЛИ РАН и ИРЛИ РАН впервые подготовлен к печати полный корпус из 138 текстологически выверенных и научно прокомментированных писем царственных особ дома Романовых и особ немецких династий к Жуковскому (18 корреспондентов). Все письма, за единичными исключениями, когда рукописный источник неизвестен, подготовлены по автографам и копиям, сохранившимся в российских (РО ИРЛИ, РГАДА, РГАЛИ, ГА РФ, ОР РНБ, НИОР РГБ, ЦГИА СПб) и зарубежных (ThHStAW) архивах. Около половины их (68) составляют письма, ранее неизвестные в печати.

II

С конца 1810-х гг. в литературных кругах одной из популярных тем для обсуждения стал придворный статус Жуковского, смущавший многих потерей независимости поэта. Отчетливей всего претензии друзей выразил, пожалуй, П.А. Вяземский. Так, 7 августа 1819 г. он писал А.И. Тургеневу:

Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем, так, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу! Знаешь ли, что в Жуковском вернейшая примета его чародейства? – Способность, с которою он себя, то есть, поэзию, переносит во все недоступные места. Для него дворец преобразовывается в какую-то святыню, все скверное очищается пред ним [7. Т. 1. С. 284–285].

В до сих пор полностью не опубликованном письме от 13 сентября 1819 г. к самому Жуковскому он говорил о том же: «<...> не понимаю, как можешь ты быть жрецом божества, когда в душе палач нелицемерный. <...> Ты кадишь им ладаном не лести, но поэзии» [8. Л. 125].

Насмешливый, но чуткий друг очень точно понял установки не только творчества Жуковского, связанного с придворными темами или героями, но и сущность его положения в кругу царственных особ. 2 сентября 1819 г. Жуковский отвечал П.А. Вяземскому, раскрывая свое кредо:

Что же тут непостижимого? Стоит только не испугаться самодержавного словечка *порфиородная*, стоит только вообразить, что душа порфиородная <...> есть прекрасная, чистая, полная простого, неиспорченного чувства душа, следственно, душа поэтическая и пробуждающая поэзию! Тогда поймешь, что легко быть поэтом по заказу! По крайней мере, мне не было трудно быть здесь поэтом. Главное: искренно предаваться влекущему чувству! Нет дела до того, что толпа не верит этой искренности [9. Т. 16. С. 48].

Обращаться к душе человека и видеть в собеседнике прежде всего частную личность, а уже потом государственного деятеля или царственную особу – вот творческая и поведенческая стратегия Жуковского в придворной среде с 1810-х гг. и до конца жизни.

Но была ли адекватно воспринята такая модель поведения в обществе, где столь значимы нормы властной иерархии и этикета? Ответить на этот вопрос помогает полный корпус писем к Жуковскому царственных особ.

Обозревая его в единстве, убеждаешься, что да. При всей разности статуса, возраста, характера, национальной принадлежности корреспондентов все 139 сохранившихся писем проникнуты прежде всего теплым дружеским чувством к собеседнику-поэту, причем именно к частному человеку, к Жуковскому вне чинов, званий и должностей. Очень значимо и выразительно в этом контексте единственное сохранившееся в копии эпистолярное обращение императора Николая I в совместном с Александрой Федоровной письме от 15 апреля 1841 г.

Хотя у Вас достаточно возможностей вспоминать о Ваших старых друзьях, тем не менее, вспомните о них еще раз по такому торжественному случаю, как бракосочетание нашего сына, потому что эти два портрета напомнят Вам о двух существах, любящих считать Вас одним из своих самых верных, самых преданных друзей, желающих Вам добра с чувством искренней дружбы, которая исчезнет только со смертью. Я растрогана, когда пишу Вам это, потому что это не просто слова – это сама истина (перевод О.Б. Лебедевой).

Так написала по-французски императрица, а император приписал по-русски: «Амен» [10. Л. 1].

Это одно слово, как высочайшая печать, утверждает положение Жуковского при дворе, где, вспомним, он никогда не занимал сколько-нибудь высокой официальной должности (кроме временной роли

наставника и учителя, т.е. наемного лица на службе двора) и в душе часто огорчался, когда, по этой причине, автоматически запускавшей правила дворцовой иерархии и соответствующего этикета, его куда-то не приглашали, помещали в придворной хронике в «лица обоего пола», обходили наградой или высочайшей благодарностью. Для представителей царствующей фамилии Жуковский был не более, но и не менее, чем друг, причем близкий до такой степени, что мог считаться едва ли не членом императорского семейства.

Это слово императора можно и должно воспринять еще и как постскрипtum к полуторядесятилетней истории заступничества поэта перед высочайшим лицом за осужденных декабристов, Н.И. и А.И. Тургеневых, за П.А. Вяземского, И.В. Киреевского, А.С. Пушкина и его семью и за десятки других лиц. Сколько резких слов от императора или его представителей вынужден был услышать Жуковский, в скольких ситуациях, граничащих с опалой, побывать, но предельная честность и апелляция именно к человеческому, личному началу вне должности переборола и перевесила все. Последнее сохранившееся письмо цесаревича Александра Николаевича от 25 января/6 февраля 1852 г., передававшее слова императора, подтверждает неизбежность этой личной дружески-семейной привязанности:

Теперь насчет желания Вашего об обеспечении будущего Вашего семейства, я должен Вам повторить то, что уже несколько лет тому назад Вам писал, т.е. слова государя: «Скажи доброму Жуковскому, что он напрасно об этом беспокоится. Дай Бог ему еще много лет жизни, когда же его не станет, то семейство его я, верно, не оставлю, он, кажется, меня знает и с чего было бы ему в этом усомниться» [11. Л. 105].

Мы помним, что так и случилось: после смерти поэта его жена и дети оказались под покровительством императорской фамилии.

Безусловно, Жуковский не был единственным литератором, дружески принятым при дворе, перед его глазами был, в частности, пример старшего друга Н.М. Карамзина. Однако модели их поведения, сохранявшие личную независимость и творческую самостоятельность писателей, все же существенно различались³. Случай Жу-

---

³ Как справедливо констатировала Т.Б. Фрик, «сложное отношение Н.М. Карамзина к своему придворному статусу, постоянное стремление отграничиться

ковского уникален тем, что поэт не просто органично включился в контекст новой формирующейся идеологии «семейственной монархии», где малый круг императорской фамилии, исповедующий семейно-домашние ценности, выступал прообразом всеимперского единения подданных, символически включенных в сферу отеческих отношений [13. С. 325–543]; Жуковский был одним из сотворцов и трансляторов этой идеологии. Само вхождение в придворную среду через покровительство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, настойчиво стремившейся направить своих младших детей по стезе добропорядочной семейной жизни, способствовало быстрому погружению поэта в семантику дома, семьи, дружества, какой она могла предстать в дворцовой обстановке. Для Жуковского, только что создавшего и потерявшего идеал «милого вместе» [14. С. 84–100], двор Марии Федоровны, павловское общество выступили специфической заменой несостоявшегося семейного счастья.

Но, конечно, во всей полноте символика «семейной монархии» сложилась у Жуковского в ходе первого заграничного путешествия 1820–1821 гг., когда он сам погрузился в среду придворного прусского бидермайера. И здесь его музой, как мы помним, оказалась уже принцесса Шарлотта – великая княгиня Александра Федоровна, представшая в образе Лалла Рук. Для нее усвоенным с детства идеалом служил культ матери, королевы Луизы. Как точно констатировал Д.В. Долгушин, в нем органично соединились три семантических сферы: «Луиза – образец простоты, естественности, детской непосредственности. <...> Луиза – образец жены и матери. <...> Луиза – образец национальной мученицы, олицетворение патриотизма и жертвенной любви к Отечеству» [15. С. 109]. Впитав и трансформировав эту символику, Жуковский переключил ее и своим творчеством, и своим поведением на возвышение великой княгини Алек-

---

от него воплотилось и в отстраненности, часто в противопоставлении Николая Михайловича Карамзина Карамзину-историографу. Это разграничение образных планов не остается незамеченным и карамзинскими адресатами. <...> Таким образом, царственные адресаты подхватывают предложенный Карамзиным ролевой стандарт» [12. С. 199]. Жуковский-романтик, с его принципом «Жизнь и Поэзия одно», карамзинский ролевой стандарт и резкое разграничение поведенческих моделей не принял, стремясь всегда сохранять единство личностной позиции, пусть и приспособленной к определенному этикету.

сандры Федоровны, а в ее ореоле – на семьи всех детей императрицы Марии Федоровны. Письма великой княгини и затем императрицы показывают, что интенции поэта оказались созвучны ее чаяниям – без придворной лести и какой-либо корысти.

Поэтическим камертоном здесь, безусловно, является письмо от 22 июня 1819 г., ставшее для Жуковского толчком к созданию стихотворения «Цвет завета», одного из программных для поэта. В нем великая княгиня не просто рассказывала о возникновении семейной традиции, но и окружала ее проникновенным чувством и историческим контекстом:

Травку, которую мы любим, мы зовем *Ländlergras*, потому что, когда я раздавала ее моим подругам, был чудесный вечер в прелестной местности, прелестное время, а между тем нежные звуки любимого *Ländler*'а⁴ напоминали нам о прошлых днях, хотя и менее счастливых, чем настоящее мгновение. Травка должна была быть напоминанием одного лишь вечера, но с тех пор к ней присоединились тысячи других воспоминаний. Война разлучила нас, сестер и братьев, и тогда с полей битвы, залитых кровью, полетели к сестрам стебельки, а они посылали далеким братьям цветы родины; когда, наконец, мы снова были вместе, мы любили рвать эту травку и весной начинали тревожиться: кто из нас первым усмотрит распустившийся цветок, о чем потом радостно сообщали друг другу. Не война, а другие обстоятельства жизни вырвали несколько цветов из веселого круга братьев, сестер и товарищей юности, но, верные старой любви, каждый из нас ищет в своей стороне дрожащую былинку, чтобы послать ее далекому другу. Так и теперь она носит молчаливый привет любви с севера на юг, с юга на север, и говорит без слов, чего не выразить бы словами (оригинал на нем., перевод А.Н. Веселовского) [16. С. 299].

Образ семейного братства, раскиданного эпохой войн и обстоятельствами жизни, но сохранившего свое единство, ассоциируется здесь со скромным полевым цветком, равно доступным и рядовому бюргеру, и детям короля. Подобной сосредоточенностью на простых чувствах, прежде всего связанных с мужем, детьми, родственниками («Саша нездоров с некотором времени, и это нас беспокоило. Мария всё такая же милынькая и смешная шутиха, как прежде. Ваша Ольга очень здорова, мы очень довольны ею»; октябрь 1823 г.), но не чуж-

---

⁴ Лендлер – медленный вальс, народный танец Верхней Австрии (нем.).

дых и удовольствия от балов или катаний с горки («Мне очень жаль, что Вы нездоровы и что Вы не были вчера на бале, который весел очень был»; 1/13 января 1821 г.), отличаются все письма Александры Федоровны. Даже первые из них, когда великая княгиня еще плохо владела русским языком и допускала множество ошибок, воспринимаются в ореоле непосредственности и самоиронии («Сколько ошибок!!!?»; 9 декабря 1819 г.) [17. С. 496, 494].

Не чуждо подобных интонаций и большое французское письмо от 31 августа 1826 г., посвященное в первую очередь впечатлениям от московских коронационных торжеств. В нем императрица неожиданно предстает в очень бытовом виде: «<...> здесь я должна вести *растительную жизнь*, и я провожу дни, сидя на балконе, пью ослиное молоко или читаю или работаю в отдалении от всяких волнений и приемов» [17. С. 501]. Сама же церемония коронации описывается прежде всего как повод для семейного единения, когда съезжаются самые близкие и родные, как возможность демонстрации лучших родственных чувств (поведение Константина Павловича), которые вполне разделяют все подданные, наконец, как забвение в лоне семейной любви трагических событий истории (14 декабря 1825 г.):

То, что ни *Вы*, ни *Вильдермет*, ни *Сесиль*, эти столь верные сердца, не могли присутствовать на нашей коронации, будет печалить меня всю жизнь. Церемония эта была не только величественна, но и невыразимо *трогательна*. Этого невозможно передать словами: надо было самому быть свидетелем ее, потому что все иностранцы и безразличные были захвачены и увлечены необычностью этой коронации. Государь и все мы, пережившие столько ужасов прежде, чем дожили до этого дня; стоявший у трона младшего брата *старший* брат – у трона, на который по всем законам Божеским и человеческим должен был воссесть он сам: однако в его поведении не было ничего показного, он держался с такими простотой и скромностью, которые, как мне кажется, не имеют себе подобных в истории. Я всем своим существом возносила к Богу; тысячи смутных ощущений наполняли мою душу сладостным, но каким-то меланхолическим блаженством; иначе я не умею выразить это чувство. Этот день останется навсегда памятным в моей жизни! И я так желала, чтобы кого я люблю и кто меня понимает, присутствовали при этой церемонии. Мой брат Карл был тут в качестве представителя всей моей семьи; он был очень взволнован, но Бог знает почему думал о Лалла Рук [17. С. 500].

В большой семейный круг императрица включала и многих друзей Жуковского, вспоминая в своих письмах и Цецилию Вильдермет, и Александру Воейкову, и берлинских товарищей, и даже С.И. и А.И. Тургеневых. Сам Жуковский также порой уравнивал своего царственного адресата с представителями ближнего круга: так, свои письма-травелогии из первого заграничного путешествия 1820–1821 гг. он дублировал для А.П. Елагиной, М.А. Мойер и А.А. Воейковой, сохраняя обращение «Ваше Высочество». Так в ходе взаимной переписки дружески-семейная семантика органично расширяла свою сферу, оттесняя представление о дворе как властной институции и подменяя ее образом уютной человеческой общности.

Обозначим здесь еще один уровень – литературный. Жуковский, будучи первоначально чтецом при императрице Марии Федоровне, вошел в круг царственных особ как поэт, им он остался до конца жизни. Жуковский, безусловно, не был первым литератором при дворе, но именно в его неустанной деятельности обозначился новый этап взаимодействия власти и словесности. Постепенно уходила в прошлое система литературного патронажа, определявшая социокультурное функционирование литературы XVIII в., и на смену ей шла система дружеских сообществ, где очагами литературного процесса являлись неформальные (но иногда и институционализировавшиеся) группы. Жуковский воспитывался именно в такой среде, начиная с Дружеского литературного общества. Знаменательно, что завязывание придворных контактов для него совпало с зарождением «Арзамаса» – взлета кружковой литературной жизни. Эти формы коммуникации поэт перенес и в дворцовую среду, превратив Павловск и круг Марии Федоровны, а затем и круг Александры Федоровны в своеобразное литературное сообщество, где совместно читаются произведения, создаются литературные опыты, происходят литературные игры, выходят в свет камерные издания – альманах «Für wenige / Для немногих» (1818), журналы «Собиратель» (1829) и «Муравейник» (1831). «Семейственная монархия» под эгидой Жуковского приобрела отчетливое литературно-эстетическое измерение. Искусство здесь становилось необходимой частью повседневной жизни, что, с одной стороны, задавало стандарт мышления и поведения царственных особ, а с другой – открывало каналы взаимодействия с дружескими сообществами вне придворной среды.

В обоих планах вклад Жуковского был необыкновенно велик. А.С. Янушкевич подробно рассмотрел различные формы культуртрегерской деятельности поэта при дворе, в том числе через письма, приучавшие царственных особ понимать и ценить искусство: «Их <царственных особ> интерес к европейской культуре, собирание Эрмитажной коллекции живописи, круг чтения во многом следствие раннего распространения души под влиянием их эстетического наставника» [З. С. 63]. Не будь Жуковского, вряд ли император Николай I мог предложить А.С. Пушкину стать его личным цензором, предполагая за собой определенную литературную компетентность.

И в плане литературной коммуникации Жуковский также стал незаменимым посредником между двором и системой дружеских сообществ, достаточно вспомнить его роль в придворной судьбе только нескольких писателей – А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Н.В. Гоголя, И.В. Киреевского, И.И. Козлова, С.Н. Глинки. Он и ходатайствовал о материальной помощи и высочайшем одобрении литераторов, и представлял их книги ко двору, и помогал с цензурными ограничениями, и заступался в конфликтных ситуациях. Его стратегия неофициального, личного обращения к царственным особам очень часто позволяла преодолеть иерархический барьер власти и литературы и сойтись в нейтральном, равном поле дружеской литературной коммуникации. Неформальное празднование 50-летия литературной деятельности поэта в 1849 г., когда за праздничным столом соседствовал великий князь Александр Николаевич и друзья-литераторы стало, пожалуй, венцом подобного единения:

Вчерашний вечер мы провели самым приятным образом у Вяземских, где были собраны все Ваши друзья, чтобы праздновать Ваше *литературное 50-летие*. Если бы Вы видели, с каким чувством были прочтены стихи и пропеты куплеты в Вашу честь, сопровождаемые каждый раз общим *русским ура!* (письмо цесаревича от 30 января/11 февраля 1849 г. [11. Л. 88]).

III

Концептосфера «семейственной монархии», легитимируя частно-домашние темы общения, безусловно, становилась мощным фильтром и задавала этикетные формы, отсекавшие возможность обсуждения многих вопросов – будь то деловые проблемы или политика.

В этом отношении поэт, обращаясь к высокопоставленным адресатам, был, при обязательном соблюдении формальностей, все же более свободен в изложении своих мыслей и чувств. Как справедливо констатировал А.С. Янушкевич, обозревая этот эпистолярный корпус, «статус, возраст адресата, его место в жизни поэта диктовали определенные нарративные стратегии и правила поведения. Если в письмах императору преобладал тон официального обращения и ходатай-просителя, в письмах к императрице ощутима атмосфера дружеского общения и теплых воспоминаний, то в письмах к их детям (старшему из которых великому князю Александру Николаевичу было на год смерти Жуковского 34 года, а младшему Михаилу Николаевичу – всего 20) чувствуется прежде всего позиция наставника, воспитателя, мудрого учителя» [3. С. 46–47]. К этому спектру можно добавить многие другие ипостаси – шутивого собеседника, утешителя, религиозного или политического мыслителя, чичероне, ходатай и заступника, культуртрегера.

Над царственными корреспондентами поэта, как бы ни было сильно в них личное чувство к адресату, все же довлел статус. Очень выразительным примером здесь может служить переписка Жуковского с великим князем Александром Николаевичем. Письма цесаревича лаконичны и, как правило, очень стереотипны по содержанию и используемым формулам общения. Обычно от четверти до половины их текста занимают этикетные выражения: сообщения о получении того или иного письма Жуковского, сожаления о долгой разлуке, поздравления с определенным событием, пожелания счастливой семейной жизни и, наконец, приветы от себя, жены, сестер и братьев, императора и императрицы. Эта формульная конструкция настолько устойчива, что сразу ставит общение на ролевые рельсы и не позволяет почувствовать истинной личности цесаревича, эмоции и мнения которого, даже если они выражаются, также приобретают характер этикетный, будь то радость от рождения сына или дочери, сочувствие болезням Жуковского, сообщений о праздниках или утратах царской фамилии и т.п. При совместном прочтении переписки это создает отчетливое впечатление взволнованного, искреннего и заинтересованного монолога Жуковского, изредка перебиваемого лаконичными репликами великого князя.

Этикетные роли, реализуемые великим князем в переписке, существенно менялись. Так, первые детские письма 1826–1833 гг. ориентированы на общение заботливого учителя и благодарного ученика. Центральную их часть, как правило, занимает подробная хроника занятий, отчет о том, что было пройдено в рамках учебных курсов с разными наставниками. Еще одним обязательным компонентом роли являлась забота о здоровье наставника, причем в интересном повороте: доброе здоровье описывалось исключительно как залог успешного продолжения занятий по возвращении из-за границы, т.е. в эгоцентричном ключе, когда главным выступает благо цесаревича. Наконец, третьей ипостасью цесаревича в детских письмах к Жуковскому выступала роль хроникера семейно-придворной жизни. Великий князь, как правило, рассказывал об эпизодах, участником которых привык прежде видеть своего наставника, и напоминал ему об этих прошедших праздниках – дне рождения императрицы, рождении брата Михаила, дне ангела императора.

Этикетно-ролевая организация писем 1840–1852 гг. имеет уже иную структуру и отражает новый статус цесаревича – семейного человека, обремененного многочисленными домашними и служебными занятиями, но сохраняющего благодарную память о бывшем наставнике. При чтении этих писем ощущается, что вся информация проходит через жесткий отбор и Жуковскому сообщается только то, на что он может рассчитывать по своему статусу частного лица и друга семьи. В результате домашне-семейная тематика выступает абсолютной доминантой, заслоняя даже бурные политические события 1848–1850 гг. В этом контексте очень выразительно выглядит реакция цесаревича на огромное письмо Жуковского об Иосифе Радовице от 14/26 апреля 1850 г., чуть позже ставшее основой напечатанной на немецком языке брошюры. Письмо это, как выясняется, великий князь так и не удосужился прочитать, а в ответе Жуковскому от 7/19 июля 1850 г. ясно дал понять, что его мнение по поводу немецкого друга-политика несущественно и не будет принято во внимание: «Я никак не могу успеть прочесть доселе письмо Ваше о Радовице, но признаюсь, последние его деяния в Эрфурте и теперь в Берлине не таковы, чтобы заставить меня переменить мое невыгодное о нем мнение» [11. Л. 93].

В поздних письмах цесаревича Жуковский прочно вписан в ритуальное поле, сформированное идеологией «семейственной монархии». Поэт, правда, воспринимал ее как право и обязанность друга царствующей фамилии выступать советчиком, наставником, помощником. Великий князь видел Жуковского едва ли не исключительно домашним и бытовым человеком, устройтелем новогодних елок, свидетелем дней детства, хорошим знакомым всех своих родственников, теперь обремененным семейством, детьми, немощами и повседневными заботами. В общении с ним и сам цесаревич принимал в первую очередь роль счастливого семьянина. Сквозь большинство писем проходит как сравнение семейного положения себя и Жуковского, так и пожелания семейного благополучия.

«<...> примите же теперь искреннее поздравление друга, который от всего сердца желает Вам и Вашей молодой невесте всевозможного счастья. Да будет благословение Божие на Вас! Моя милая Мария вот уже больше месяца у нас здесь и так, кажется, скоро привыкла к нашему семейному быту, как будто бы всегда с нами была» (8/20 октября 1840 г. [11. Л. 21]).

«Прежде всего, желаю Вам в сем наступившем Новом году укрепления Вашего здоровья и продолжения Вашего семейного счастья» (25 января/6 февраля 1852 г. [11. Л. 104]).

На эту семейную ось нанизывались в письмах короткие сообщения о рождении детей, о состоянии здоровья жены, себя, императрицы и сестер, изредка императора и братьев, об очередных праздниках, например о запомнившемся юбилее великого князя Михаила Павловича, о свадьбах и утратах, как случилось с сестрой Александрой Николаевной, о своих текущих обязанностях и поездках – в Украину и Крым (1845), Германию (1847), на Кавказ (1850), в Тулу и Орёл (1851). Эта хроника семейной жизни царской фамилии имеет свой интерес, а для Жуковского она подкрепляла чувство причастности к ней.

Одним из самых любопытных моментов переписки является реакция великого князя на сообщения Жуковского из гуши немецких революционных событий 1848–1852 гг. Для поэта эта историософская и политическая рефлексия была принципиально важна и, помещенная в письма к цесаревичу, мыслилась как формирование мне-

ний царской семьи. Однако великий князь в письмах 1848–1852 гг. очень лапидарно, буквально в нескольких фразах, отозвался на предпринятый Жуковским обзор событий в Германии.

До 1847 г. в письмах великого князя не содержится упоминания каких-либо политических событий. Первое подобное суждение возникло как ответ на опасения Жуковского возвращаться в Россию ввиду распространяющейся холерной эпидемии, на что цесаревич заметил: «Но у Вас поблизости холера другого рода; разумею про *Швейцарию*, не дай Бог радикальной партии успеха! Успех подобный может иметь страшный отголосок во всей Европе, а в особенности в Германии, где либералы только ждут случая, чтобы поставить все вверх дном! L'avenir n'est pas couleur de rose⁵» (20 ноября/2 декабря 1847 г. [11. Л. 81]). Поэт не рассказывал в своих письмах о швейцарских событиях, о противостоянии католических кантонов (Зондербунда) с протестантскими, которые ходе вооруженного столкновения 24 ноября 1847 г. победили, что свидетельствует о самостоятельном напряженном внимании великого князя к нарастающей волне европейских революций.

В свою очередь французское изречение цесаревича стало для Жуковского поводом развернутых политических рефлексий и хроники происшествий января-февраля 1848 г., отразившихся в большом письме, начинавшемся так: «Последние строки вашего письма заставили меня крепко задуматься. Вы выразили в них то, что давно, как привидение, стоит перед моими мыслями. Мы живем на кратере волкана, который недавно пылал, утих и теперь снова готовится к извержению» [18. С. 7]. Пока создавалось это письмо, отправленное в Россию только 23 февраля/6 марта 1848 г., Жуковский успел переслать цесаревичу еще одно от 17/29 февраля, напечатанное по высочайшему повелению в «Северной пчеле» под названием «Письмо Русского из Франкфурта» [19. С. 225–226]. До его получения великий князь скорее интересовался событиями в Швейцарии и Италии, лишь предчувствуя их влияние на Германию, о чем писал 1/13 февраля 1848 г.:

Между тем известия, полученные из Швейцарии и Италии, производят, к сожалению, совершенно противоположное действие. L'horizon

---

⁵ Будущее предстает не в розовом цвете (*франц.*).

s'assombrit de toute part!⁶ Что-то будет весной, страшно подумать! Дай Бог, чтобы все это не отразилось бы и в Германии, где умы также довольно испорчены благодаря неистовым журналам [11. Л. 83 об.].

Публикация письма Жуковского в «Северной пчеле» свидетельствовала об определенном совпадении мнений, и, развивая эту тенденцию, поэт с 13/25 марта по 1/13 июля 1848 г. отправил цесаревичу целую серию из шести посланий с насыщенной политической рефлексией (два из них еще не опубликованы). Однако ответа он не получил. Александр Николаевич отозвался только 10/22 июля 1848 г., начав с заявления:

О теперешних политических обстоятельствах не стану распространяться; что будет из хаоса, в котором находится вся Западная Европа? Этим вопросом оканчиваются теперь все политические разговоры. Дай Бог, чтобы пример последних парижских происшествий, где порядок восторжествовал над безначалием, подействовал на Германию и придал бы более старания благомыслящим, которые, к сожалению, долго везде уступали постыдно мнению крикунов радикалов. Истинному единству Германии я теперь меньше чем когда-либо верю; выбор ер<ц> гер<цога> Иоганна, по моему мнению, ни к чему не ведет и скорее произведет противное действие, ибо теперь уже доходят до меня сведения, что в Пруссии сильно развивается прежний *прусский дух*, а не *германский*; даже говорят, что сам король, который первый стал кричать *о германстве*, сам бросил германскую кокарду и смеется даже над теми, кто ее носит. Да сохранит Бог нашу матушку Россию спокойною, сильною и счастливою под державным скипетром нашего государя [11. Л. 85].

Заметим, что в письмах Жуковского этого периода совершенно отсутствовала тема объединения Германии и главенства в ней Австрии или Пруссии, первостепенная для цесаревича ввиду геополитических задач. Тем самым, по молчанию великого князя и переключению темы в его письме, можно предположить достаточно слабый интерес к политическим мнениям поэта. Последний, однако, проявил большую чуткость и к мнению своего адресата и к текущим событиям, и с лета 1848 г. все больше внимания обращал на перипетии объединительных процессов (ср. «О происшествиях 1848 года»). Между тем в пяти письмах июля–октября 1848 г. поэт взял паузу и

---

⁶ Горизонт темнеет со всех сторон! (*франц.*)

почти не говорил о политике, лишь в опубликованном с большими купюрами письме от 17/29 сентября, где рассказывалось о сентябрьском восстании во Франкфурте, он нарисовал картину Общегерманского парламента и серию портретов депутатов: «Посылаю Вашему Высочеству вид церкви С. Павла и портреты главных действователей. + означает правую сторону, +Z правый центр, – левая сторона, – Z левый центр» [20. Л. 234 об.].

Это пробудило интерес адресата, который в письме от 18/30 октября 1848 г. даже предложил опубликовать зарисовки Жуковского:

Ваше последнее письмо оттуда так ясно и так справедливо описывает теперешнее жалкое положение Германии, что я просил государя позволить печатать его в наших газетах. Благодарю Вас за присылку портретов франкфуртских болтунов, есть рожи преотвратительные. Сумневаюсь, чтобы из их болтовни вышел какой-либо прок [11. Л. 86].

Одобрение цесаревича вызвало и напечатанное в «Русском инвалиде» письмо к Вяземскому о стихотворении «Святая Русь». Об истории его публикации мы знаем из письма Вяземского от 18/30 октября 1848 г., где говорилось об отправке П.А. Плетнёвым рукописи цесаревичу и правке последнего [21. С. 61]. Теперь известен собственный комментарий великого князя, солидарного с мыслями Жуковского о реформации как истоке революции и, в пику славянофилам, с разграничением нации (Святая Русь) и государства (Россия):

С большим любопытством читал я Ваше письмо к Вяземскому, оно также было напечатано с малыми пропусками именно тех мнений, которые касаются реформации, дабы не обидеть наших собственных реформатов. Но я совершенно разделяю Вашу мысль, что реформация была первым шагом революции, ибо ею был нанесен первый удар тому, что прежде считалось священным! Разделение, которое вы делаете между святою Русью и Россиею, также совершенно справедливо; это есть лучший ответ нашим славянофилам, которых славянские бредни чересчур далеко увлекают (18/30 октября 1848 г. [11. Л. 86 об.]).

Тем не менее главный интерес цесаревича так и остался геополитическим, связанным с доминированием в Германском союзе: «Дела везде все более и более запутываются, все взоры обращаются на Вену, где теперь должна решиться судьба Германии. Дай Бог, чтобы

Виндишгрецу удалось восстановить законный порядок, иначе я не предвижу конца анархии» [11. Л. 86]. Эта принципиальная позиция в дальнейшем определила вмешательство России в дела Австрии и апрельский поход 1849 г. в Венгрию. Жуковский в письмах 1849–1852 гг. не остался в стороне и активно делился своими мнениями по поводу перипетий прусско-австрийского противостояния [22], на что, однако, получил лишь две короткие реплики цесаревича, сопровождавшиеся формулами нежелания говорить о политике:

«В германском деле, наконец, кажется, произошел переворот к лучшему, авось из дрезденских переговоров выйдет что путное. Сближение Пруссии с Австрией есть уже важный шаг, лишь бы неуместные претензии второстепенных владетелей не попортили дело. Но довольно о политике» (28 декабря 1850 г./9 января 1851 г. [11. Л. 97]);

«Про последние политические события не стану говорить. Страшно будет, если переворот к лучшему и основание нового порядка, нового общественного быта истекнут из Франции, подавшей первый пример сокрушения всего прежнего, – ужасный пример, от последствий коего страдает более полувека вся Европа, кроме, благодаря Бога, нашей благословенной России, и да будет этот пример и для них уроком» (25 января/6 февраля 1852 г. [11. Л. 105]).

Из этого обмена политическими мнениями вырисовывается четкая картина: несмотря на близость к царской семье и дар публициста-идеолога Жуковский был интересен двору в политическом качестве только тогда, когда его позиция максимально совпадала с мнениями, сформированными до и помимо его участия, но и то не на правах самостоятельной силы, а как приложение к роли устроителя детских праздников: «Но довольно о политике. Прежнюю роль Вашу, накануне Рождества, принял я на себя, т.е. уверял детей, *что елки не будут*, и они, подобно нам, также этому поверили, зато радость их потом удвоилась» (28 декабря 1850 г./9 января 1851 г. [11. Л. 97 об.]).

IV

Безусловно, даже письма великого князя Александра Николаевича, наиболее этикетные по форме, были пропитаны теплым дружеским отношением к наставнику. В письмах других царственных особ это личное чувство сказывается еще сильнее, иногда полностью определяя контекст общения и превращая его в поле свободной коммуникации.

Образец выхода за этикетные рамки предлагает переписка Жуковского с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом IV⁷. Богато одаренный от природы, прекрасно образованный, воспитанный под влиянием своей матери королевы Луизы, Фридрих-Вильгельм IV был своеобразным монархом. Ему была свойственна любовь к искусству; в разговоре он производил впечатление умного и остроумного человека; имел разносторонние научные и художественные интересы. Король окружал себя представителями науки, литературы и искусства: посетителями его дворца были А.В. Шлегель, Л. Тик, Ф. Рюккерт, Ф.В. Шеллинг и др. По складу своего характера он был способен на искренние дружеские отношения так же, как и романтик Жуковский.

В момент их знакомства в 1820 г. кронпринц был еще молод и не скован бременем официального положения, что заложило фундамент долгой и искренней дружбы, характер которой Фридрих-Вильгельм подчеркнул в первом сохранившемся письме от 6/18 февраля 1823 г.: «Благодаря обстоятельствам, которые доставили мне удовольствие сделать знакомство с Вами столь интересным, Вы приобрели в моей душе особое место, которое ни время, ни расстояние не могут оспорить» (перевод с франц. наш. – В.К. [24. Л. 9–9 об.]). Дальнейшие их контакты во время заграничных путешествий поэта и приездов кронпринца в Россию вполне подтвердили верность этой формулы.

И уже в статусе короля Фридрих-Вильгельм IV в общении с Жуковским тщательно избегал какой-либо этикетности. Так, даже официальную процедуру сообщения о присуждении поэту ордена Красного орла он перевел в сугубо дружеское русло: формальное извещение от июня 1840 г., в свое время обнаруженное А.А. Фоминым среди рукописей Берлинской королевской библиотеки, так и осталось неотправленным, а вместо него король прибег к частному письму от 13/25 июля 1840 г., где, мало того, использовал извинительно-иронические интонации:

<...> цель моего письма несколько условна, и вдохновенный поэт имел бы право обидеться, увидев себя, в некотором роде, смешанным с

---

⁷ См. общий обзор их отношений [23].

толпою придворных, если бы я не был уверен, что сердце не научило его распознавать дружеские намерения. Словом, дорогой Жуковский, я жалею Вам бриллиантовую звезду Красного орла второй степени (оригинал на франц. [25. С. 152]).

Это решительное исключение Жуковского из «толпы придворных» позволяло свободно общаться на разные темы и даже деловые вопросы решать не с помощью бюрократических процедур, а через личную помощь, иногда даже приобретающую несколько авантюрный характер, как в случае Иосифа Радовица, в 1848 г. в ходе революционных событий почти лишившегося средств к существованию. Узнав об этом, Жуковский 26 мая/7 июня 1848 г. обратился к королю, лишенному в тот момент возможности официально назначить содержание Радовицу, с предложением купить у него собрание рисунков, чтобы вырученные деньги негласно отдать другу. Этого, к счастью, не потребовалось, и Фридрих-Вильгельм IV 6/18 сентября 1848 г. мог сообщить Жуковскому: «Ваш великодушный и благородный план, который во всей Европе мог зародиться только в Вашем сердце, наверно, не нуждается теперь в осуществлении» (оригинал на франц. [25. С. 180]).

Письма короля в этом плане близки к письмам великой княжны Марии Николаевны своей эмоциональностью и ироничностью, как, например, письмо от 15/27 января 1851 г., начинавшееся «самообличением»: «Дорогой и достопочтенный друг! Краснея от стыда, посылаю я Вам письмо, на три четверти уже законченное, но своевременно не подписанное; я написал его в конце прошлого месяца!!! Будьте снисходительны! Будьте добры ко мне. Не лишайте меня своих милостей!» (оригинал на франц. [25. С. 191]). Однако в содержательном плане они исходили из вполне отрефлексированной жизненной позиции, разделявшей официальную и дружески-семейную сферу существования короля. Фридрих-Вильгельм IV, так же как его сестра Александра Федоровна, вполне унаследовал культ королевы Луизы и ценности придворного бидермайера, но российская императрица в своих письмах ограничивалась семантикой сугубо домашней, а ее брат привнес в нее определенную идеологию, разделяемую Жуковским.

Для короля, особенно в 1840-е гг., дружески-семейный круг стал защитой, пространством свободы, где высказывались сокровенные

мысли, которые невозможно было огласить публично. И здесь голо- са поэта и короля звучали в унисон. Жуковский еще в момент зна- комства был пленен семейной идиллией берлинского двора («При дворе короля Прусского я видел нечто такое, с чем в другом месте можно встретиться так редко: семейное счастье во всей его патриар- хальной чистоте, сохранившее во всей полноте царственное досто- инство, но чуждое какого бы то ни было тщеславия»⁸), и в дальней- шем она получила историософское оправдание, создававшееся в письмах к Фридриху-Вильгельму IV, где его отец Фридрих- Вильгельм III и сам король представляли образцом новой монархии – ответственной, движущейся медленной волей Провидения, прони- занной отеческими чувствами к подданным.

Тотчас же пришла на память та минута, когда король Фридрих- Вильгельм IV говорил пред лицом Бога о будущем своего народа, и я размышлял о том чудовишном веке, с которым, начиная с этого един- ственного в истории момента, придется бороться королю, а также о тех скорбях, которые будут томить его душу. <...> Жизнь государей, настоль же подчиняющихся высшей справедливости, как Вы, всегда бу- дет сплошное торжество, даже среди неудач, неурядиц, волнений, раз- рушающих строй их времени. Да сохранит Господь Ваше Величество и да будет Он покровителем Ваших царственных дней и дел [25. С. 168]⁹.

Это будущее историческое благо подготавливается мыслями, чувствами, поступками, словами короля, которые вызревают в ин- тимном кругу, что и демонстрировал Фридрих-Вильгельм IV в письмах к поэту, признавая за другом дар едва ли не пророческий:

Из всех речей, которыми почтена память моего горячо любимого и уважаемого отца и короля и которые мне пришлось прочесть за это вре- мя, Ваши слова, без сравнения, самые лучшие, самые красноречивые, самые достойные. Это речи – истинного поэта, т. е. человека, прислуши- вающегося не к голосу своего желудка – (простите за это тривиальное, но глубоко верное сравнение) – а к внушениям Божественного Духа (13/25 июля 1840 г. Оригинал на франц. [25. С. 152]).

---

⁸ Письмо от 4/16 июля 1822 г. [9. Т. 16. С. 154]. Оригинал на франц.

⁹ Письмо от 13/25 ноября 1846 г. Оригинал на франц.

В высказываниях короля мы найдем целый ряд эмоционально выраженных суждений, полностью разделяющих излюбленную мысль зрелого Жуковского о монархии как орудии Божественного провидения, например:

Ах, дорогой и почтенный Жуковский, какие времена, какая порода людей, и правящих, и управляемых!!!! Молитесь вместе со мною, да смилуется над нами Господь и да благословит он мой выбор и мои начинания! Мое долготерпение на исходе. Я оправляюсь от своего падения с тем, чтобы или опять рухнуть, но уже навсегда, или, с помощью Божьей, начать новую эру для Пруссии и Германии (6/18 сентября 1848 г. Оригинал на франц. [25. С. 180]).

Так, уходя от давления этикета, эпистолярное пространство общения с царственными особами обогащалось историософскими проекциями, непосредственными политическими оценками, дружеским взглядом на деловые проблемы.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ К В.А. ЖУКОВСКОМУ

1815

Императрица Мария Федоровна. 9 февраля 1815 г. Петербург

1818

Великая княгиня Александра Федоровна. 7/19 февраля 1818 г. Москва

1819

Великая княгиня Александра Федоровна. 22 июня 1819 г. Красное Село
Великая княгиня Александра Федоровна. 29 ноября 1819 г. <Петербург>
Великая княгиня Александра Федоровна. <Около 9 декабря 1819 г. Петербург>

1821

Великая княгиня Александра Федоровна. <1/13 января 1821 г. Берлин>
Великая княгиня Александра Федоровна. <Около 26 апреля/8 мая 1821 г. Берлин>

Великая княгиня Александра Федоровна. 19/31 июля 1821 г. Спа

1823

Кронпринц Фридрих-Вильгельм. 6/18 февраля 1823 г. Берлин
Великая княгиня Александра Федоровна. 13 апреля 1823 г. Петербург
Принц Карл Прусский. 30 июня/10 июля 1823 г. Берлин
Великая княгиня Александра Федоровна. <Октябрь 1823 г. Петербург>

1822–1825

Великая княгиня Александра Федоровна. <Между 6/18 февраля 1822 г. и 24 июня 1825 г.>

Императрица Мария Федоровна. 1825 г. Петербург (записка отсутствует в наст. изд.)

1826

Великий князь Александр Николаевич. 29 января 1826 г. <Петербург>
Великий князь Александр Николаевич. 23 августа/4 сентября 1826 г. Москва
Императрица Александра Федоровна. <Август 1826 г. Москва>
Императрица Александра Федоровна. 31 августа 1826 г. Москва
Великая княгиня Елена Павловна. 15/27 октября 1826 г. Петербург
Императрица Мария Федоровна. 15 декабря 1826 г. Петербург

1827

Великий князь Александр Николаевич. 31 января/12 февраля 1827 г. Петербург

Императрица Александра Федоровна. 30 августа 1827 г. Елагин

Императрица Мария Федоровна. 28 сентября 1827 г. Петербург

1828

Великий князь Александр Николаевич. 7 января 1828 г. <Петербург>

Великий князь Александр Николаевич. 28 января 1828 г. <Петербург>

Великая княжна Мария Николаевна. 13 июля 1828 г. Одесса

Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 17/29 декабря 1828 г. Веймар

1829

Великий князь Александр Николаевич. 28 января 1829 г. <Петербург>

Императрица Александра Федоровна. <Начало апреля (не позже 18) 1829 г. Петербург>

1832

Великий князь Александр Николаевич. <2/14 июля 1832 г. Александрия>
 Великий князь Александр Николаевич. 7/19 июля 1832 г. Александрия
 Великий князь Александр Николаевич. 24 сентября/6 октября 1832 г. Петербург
 Великий князь Александр Николаевич. 1/12 ноября 1832 г. Петербург
 Великий князь Александр Николаевич. 3/15 декабря 1832 г. Петербург

1833

Императрица Александра Федоровна. 8 февраля 1833 г. Петербург
 Великая княжна Мария Николаевна и Ю.Ф. Баранова. 6/18 мая 1833 г. Петербург
 Великий князь Александр Николаевич. 6/18 июля 1833 г. Александрия

1834–1836

Великая княжна Мария Николаевна. <1834–1836 гг. Петербург>

1837

Великая княгиня Елена Павловна. <27 января 1837 г. Петербург>
 Великая княгиня Елена Павловна. <27–28 января 1837 г. Петербург>
 Великая княгиня Елена Павловна. <27–28 января 1837 г. Петербург>
 Великая княгиня Елена Павловна. <29 января 1837 г. Петербург>
 Великий князь Константин Николаевич. 30 июля 1837 г. Елагин
 Великая княжна Мария Николаевна. <Конец декабря 1837 г. Петербург>
 Императрица Александра Федоровна. 31 декабря 1837 г. Петербург

1838

Великая княжна Мария Николаевна. 22 июня/4 июля 1838 г. Петергоф
 Великий князь Константин Николаевич. 23 октября 1838 г. Царское Село
 Великая княжна Мария Николаевна. 19 ноября/1 декабря 1838 г. Петербург

1839

Королева Нидерландов Анна Павловна. 21 мая/1 июня 1839 г. Гаага
 Королева Нидерландов Анна Павловна. 21 ноября/3 декабря 1839 г. Гаага

1840

Великая княжна Мария Николаевна. 1 мая 1840 г. Петербург
Король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV. Июль <не позднее 13/25> 1840 г.
Сан-Суси
Король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV. 13/25 июля 1840 г. Сан-Суси
Великий князь Александр Николаевич. 8/20 октября 1840 г. Царское Село
Великий князь Константин Николаевич. 17 ноября 1840 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 24 ноября 1840 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 8 декабря 1840 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 15 декабря 1840 г. Петербург

1841

Великий князь Константин Николаевич. 5 января 1841 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 15 февраля 1841 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 16 марта 1841 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 13 апреля 1841 г. Петербург
Императрица Александра Федоровна и император Николай I. 15 апреля
1841 г. <Петербург>
Великий князь Константин Николаевич. 1 июня 1841 г. Александрия
Великий князь Константин Николаевич. 8/20 июля 1841 г. Гельдерский рейд
Великий князь Александр Николаевич. 14/26 июля 1841 г. Петергоф
Великий князь Константин Николаевич. 10 августа 1841 г. Александрия
Великий князь Александр Николаевич. 7/19 октября 1841 г. Царское Село
Великий князь Николай Николаевич. 16/28 октября 1841 г. <Петербург>
Великий князь Михаил Николаевич. 13/25 октября 1841 г. <Петербург>
Великий князь Константин Николаевич. <Октябрь 1841 г. Петербург>

1842

Великий князь Александр Николаевич. 15/27 января 1842 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 18 января 1842 г. <Петербург>
Великий князь Александр Николаевич. 29 января/9 февраля 1842 г. Петербург
Императрица Александра Федоровна. 12/24 марта 1842 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 27 апреля/8 мая 1842 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 10/22 августа 1842 г. Царское Село
Великий князь Александр Николаевич. 19/31 августа 1842 г. Царское Село
Великий князь Александр Николаевич. 22 сентября/4 октября 1842 г. Царское Село
Великий князь Константин Николаевич. 30 сентября 1842 г. Царское Село

Великий князь Александр Николаевич. 24 ноября/6 декабря 1842 г. Петербург
Императрица Александра Федоровна. 21 ноября/3 декабря 1842 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 29 ноября 1842 г. Петербург
Великий князь Михаил Николаевич. 3/15 декабря 1842 г. Петербург
Великий князь Николай Николаевич. 12/24 декабря 1842 г. <Петербург>

1843

Великий князь Александр Николаевич. 30 января/11 февраля 1843 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 14/26 мая 1843 г. Царское Село
Великий князь Александр Николаевич. 8/20 сентября 1843 г. Царское Село

1844

Великий князь Александр Николаевич. 17/29 января 1844 г. Петербург
Великая княжна Александра Николаевна. Февраль 1844 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 5/17 апреля 1844 г. Дармштадт
Великий князь Александр Николаевич. 18/30 сентября 1844 г. Гатчина
Великий князь Александр Николаевич. 17/29 декабря 1844 г. Петербург

1845

Великий князь Александр Николаевич. 13/25 января 1845 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 30 января/11 февраля 1845 г. Петербург
Великий князь Михаил Павлович. 8/20 февраля 1845 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 27 февраля/11 марта 1845 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 7/19 мая 1845 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 7/19 сентября 1845 г. Елизаветград
Великий князь Александр Николаевич. 13/25 декабря 1845 г. Петербург

1846

Великий князь Александр Николаевич. 14/26 января 1846 г. Петербург
Великая княжна Ольга Николаевна. 10/22 марта 1846 г. Неаполь
Великий князь Александр Николаевич. 18/30 апреля 1846 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 23 сентября/5 октября 1846 г. Царское Село
Король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV. 6/18 ноября 1846 г. Сан-Суви

1847

Великий князь Михаил Павлович. 5/17 января 1847 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 13/25 февраля 1847 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 11/23 апреля 1847 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 4/16 мая 1847 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 7/19 июля 1847 г. Киссинген
Великий князь Александр Николаевич. 20 ноября/2 декабря 1847 г. Царское Село

1848

Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 1/13 февраля 1848 г. Веймар
Великий князь Александр Николаевич. 1/13 февраля 1848 г. Петербург
Великая княжна и принцесса Вюртембергская Ольга Николаевна. 22 мая/3 июня 1848 г. <Штутгарт>
Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 1/13 июня 1848 г. Веймар
Великий князь Александр Николаевич. 10/22 июля 1848 г. Петергоф
Король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV. 6/18 сентября 1848 г. Сан-Суси
Великий князь Константин Николаевич. 2/14 октября 1848 г. <Царское Село>
Великий князь Александр Николаевич. 18/30 октября 1848 г. Царское Село

1849

Великий князь Александр Николаевич. 30 января/11 февраля 1849 г. Петербург
Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 2/14 февраля 1849 г. Веймар
Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 8/20 марта 1849 г. Веймар
Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. <Около 27 апреля 1849 г. Петербург>
Великий князь Константин Николаевич. 19/31 августа 1849 г. Царское Село

1850

Кронпринц Иоганн Саксонский. 29 января/10 февраля 1850 г. Дрезден
Великий князь Александр Николаевич. 30 января/11 февраля – 5/17 февраля 1850 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 16/28 марта 1850 г. <Петербург>

Великий князь Александр Николаевич. 7/19 июля 1850 г. Петербург
 Великий князь Александр Николаевич. 22 августа/3 сентября 1850 г. Петербург
 Король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV. 9/21 декабря 1850 г. Потсдам
 Великий князь Александр Николаевич. 28 декабря 1850 г./9 января 1851 г. Петербург

1851

Король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV. 15/27 января 1851 г. Шарлоттенбург
 Великий князь Александр Николаевич. 1/13 мая 1851 г. Петербург
 Великий князь Александр Николаевич. 2/14 сентября 1851 г. Москва
 Великий князь Константин Николаевич. 11/28 октября 1851 г. Царское Село
 Великий князь Александр Николаевич. 23 ноября/5 декабря 1851 г. Царское Село

1852

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. 11/23 января 1852 г. Петербург
 Великий князь Александр Николаевич. 25 января/6 февраля 1852 г. Петербург
 Великая княгиня Елена Павловна. 21 марта 1852 г. Петербург

Литература

1. Письма В.А. Жуковского к его Императорскому Высочеству великому князю Константину Николаевичу. М.: Русский архив, 1867. 93 с.
2. Сочинения В.А. Жуковского: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., исправ. и доп. СПб.: Издание Глазунова, 1885. Т. 6. 640 с.
3. *Янушкевич А.С.* Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский: Исследования и материалы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. С. 45–76.
4. *Киселева Л.Н.* Эпизод из переписки, или К истории одного посвящения (Жуковский и его царственные ученицы) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 1. С. 444–459.
5. *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский и немецкие правящие династии: Иоганн Саксонский // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 98–110.
6. Письма великого князя Константина Николаевича Василию Андреевичу Жуковскому / Публ. А.Н. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2010. С. 443–481.

7. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметьева, 1899. Т. 1. 728 с.
8. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21.
9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999–2016.
10. НИОР РГБ. Ф. 41. Карт. 113. № 11.
11. РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51.
12. Фрик Т.Б. Эпистолярный Н.М. Карамзина сквозь призму образов автора и адресата // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43): в 2 ч. Ч. II. С. 198–201.
13. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. 605 с.
14. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2019. 508 с.
15. Долгушин Д.В. Миф о королеве Луизе в творчестве В.А. Жуковского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 108–114.
16. Литературный вестник. 1903. Т. 5, кн. 3. С. 299.
17. Русский архив. 1897. № 4.
18. Русский архив. 1885. № 1.
19. Северная пчела. 1848. № 57 (12 марта).
20. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680.
21. Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34–75.
22. Киселев В.С. Сценарии революционного объединения Германии в осмыслении В.А. Жуковского (по материалам публицистики и эпистолярия 1848–1850 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 191–205.
23. Пахомова-Герес В. Король и поэт: Фридрих-Вильгельм IV и В.А. Жуковский: Забытая история одной дружбы // Немцы в России: Российско-немецкий диалог: по материалам семинара. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 241–257.
24. РО ИРЛИ. № 28312.
25. Русский библиофил. 1912. № 7/8.

Letters From Royal Persons to Vasily Zhukovsky and the Semantics of “Family Monarchy”

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 14, pp. 5–36. DOI: 10.17223/24099554/14/1

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: Russian literature, Russian epistolary culture, correspondence, Vasily Zhukovsky, royal persons, court culture.

The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Grant No.19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

The article reviews the letters from royal persons to Vasily Zhukovsky. Based on these letters, the character of the epistolary dialogue between the poet and representatives of the Romanov dynasty and of the German dynasties is reconstructed completely for the first time. Zhukovsky was not the only writer who was warmly welcomed at court, but his case was unique. The poet organically joined the context of the new emerging ideology of “family monarchy”, in which a small circle of the imperial family, professing family and domestic values, acted as a prototype of the all-imperial unity of subjects symbolically included in the sphere of paternal relations. Moreover, Zhukovsky was one of the co-creators and translators of this ideology. In addition, Zhukovsky, originally a reader under Empress Maria Feodorovna, entered the circle of royal persons as a poet and remained so until the end of his life. It was his tireless work that designated a new stage in the interaction of power and literature. The system of literary patronage, which determined the sociocultural functioning of the 18th-century literature, gradually faded into the past and was replaced by a system of literature friendly communities, in which informal groups were the centers of the literary process. The poet transferred these forms of communication to the court, transforming Pavlovsk and the circle of Maria Feodorovna, and then the circle of Alexandra Feodorovna, into a kind of a literary community. “Family monarchy” under the aegis of Zhukovsky acquired a distinct literary and aesthetic dimension. Art here became a necessary part of everyday life, which, on the one hand, set the standard for the royal persons’ thinking and behavior, and, on the other, opened up channels for interaction with friendly communities outside the court. The conceptual framework of “family monarchy” legitimized private and home-centered topics of communication becoming a powerful filter that set etiquette forms that hindered the possibility of discussing many issues, be it business problems or politics. Based on the letters of Grand Duke Alexander Nikolaevich, the article shows how such etiquette communication worked, including how Alexander reacted to Zhukovsky’s political reflections. On the other hand, the letters of the King of Prussia, Frederick William IV, demonstrate strategies for bypassing etiquette communication and going to informal friendly reflection. The appendix to the article is a chronological index of all known letters of the royal persons to Zhukovsky.

References

1. Zhukovsky, V.A. (1867) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k ego imperatorskomu vysochestvu velikomu knyazyu Konstantinu Nikolaevichu* [Letters from V.A. Zhukovsky to His Imperial Highness Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. Moscow: Russkiy arkhiv.

2. Efremova, P.A. (ed.) (1885) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo: V 6 t.* [Works of V.A. Zhukovsky: In 6 Volumes]. 8th ed. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie Glazunova.
3. Yanushkevich, A.S. (2013) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennym osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli [Letters from V.A. Zhukovsky to royal persons as a phenomenon of Russian verbal culture and social thought]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.
4. Kiseleva, L.N. (2010) Epizod iz perepiski, ili K istorii odnogo posvyashcheniya (Zhukovskiy i ego tsarstvennyye uchenitsy) [An episode from correspondence, or To the history of one dedication (Zhukovsky and his royal pupils)]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 444–459.
5. Nikonova, N.E. (2014) V.A. Zhukovsky and the German ruling dynasties: Johann von Sachsen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (30). pp. 98–110. (In Russian).
6. Grand Duke Konstantin Nikolaevich. (2010) Pis'ma velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha Vasiliyu Andreevichu Zhukovskomu [Letters from Grand Duke Konstantin Nikolaevich to Vasily Andreevich Zhukovsky]. In: Nalepin, A.L. et al. (eds) *Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh* [Russian Archives: History of the Fatherland in Evidence and Documents of the 18th–20th Centuries: Almanac]. Vol. 19. Moscow: Studiya TRITE: Ros. Arkhiv. pp. 443–481.
7. Saitov, V.I. (ed.) (1899) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafeyev Archive of Princes Vyazemsky]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. gr. S.D. Sheremet'eva.
8. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. No. 21.
9. Zhukovskiy, V.A. (1999–2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 Volumes]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
10. Manuscript Department of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 41. Card File 113. No. 11.
11. Russian Archive of Ancient Acts (RGADA). Series 5. Supplements. No. 51.
12. Frik, T.B. (2015) Epistolary of N. M. Karamzin Through the Lenses of Images of Author and Addressee. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 1 (43):II. pp. 198–201. (In Russian).
13. Wortman, R. (2002) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy From Peter the Great to the Abdication of Nicholas II: In 2 Vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: OGI.
14. Dolgushin, D.V. (2019) *V.A. Zhukovskiy i religiozno-filosofskaya kul'tura ego vremeni* [V.A. Zhukovsky and the Religious and Philosophical Culture of His Time]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
15. Dolgushin, D.V. (2014) Queen Luise's Myth in V. A. Zhukovsky's Poetry and Prose. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 108–114. (In Russian).

16. *Literaturnyy vestnik*. (1903) 5 (3). p. 299.
17. *Russkiy arkhiv*. (1897) 4.
18. *Russkiy arkhiv*. (1885) 1.
19. *Severnaya pchela*. (1848) 57 (12 March).
20. State Archive of the Russian Federation. (GA RF). Fund 728. List 1. File 1680.
21. Gillel'son, M.I. (1980) Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo (1842–1852) [Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842–1852)]. In: *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya. Ezhegodnik 1979* [Cultural Monuments: New Discoveries. Yearbook, 1979]. Leningrad: Nauka. pp. 34–75.
22. Kiselev, V.S. (2019) Scenarios of the revolutionary unification of Germany in Vasily Zhukovsky's reflection (on the material of journalistic and epistolary works of 1848–1850). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 191–205. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/12
23. Pakhomova-Geres, V. (2001) Korol' i poet: Fridrikh-Vil'gel'm IV i V.A. Zhukovskiy: Zabytaya istoriya odnoy druzhby [A King and A Poet: Friedrich Wilhelm IV and V.A. Zhukovsky: The Forgotten History of a Friendship]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy v Rossii: Rossiysko-nemetskiy dialog* [Germans in Russia: Russian-German Dialogue]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 241–257.
24. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRL). No. 28312.
25. *Russkiy bibliofil*. (1912) 7/8.